

Женщина сидела на краю обрыва. Внизу смеялось море, играя лучами заходящего солнца. Над головой полыхало закатом небо. Вдали, у самого горизонта, море и небо сливались в невозможно золотом сиянии. На этом слепящем фоне женская фигура вырисовывалась резким силуэтом, и было в ней что-то напряженно-странное. Я подошла ближе. Перед женщиной лежал этюдник с чистым листом. "Каждый день прихожу сюда - писать закат, и не могу, - заметив меня, сказала она, будто оправдываясь. - Прямо наваждение какое-то, этот неуловимый свет".

Моя случайная собеседница оказалась немецкой художницей. Вместе с мужем-архитектором она уже много лет подряд приезжает в Грецию. "Если хоть на недельку не вырвусь сюда, считаю год пропавшим, - призналась она, когда мы познакомились ближе. - Что сюда тянет, объяснить не могу. Точно знаю, что не только античное искусство - в конце концов его образцы можно увидеть в Британском музее, в Лувре, в Риме: их расхищали, как бесхозное добро. А вот понять его глубину и жизнеутверждающую силу можно только здесь. Наверное, потому, что оно органично связано с природой, в которой нет ничего чрезмерного, что подавляло бы человека. Здесь сам пейзаж будто воспитывает чувство меры. Говорю это не как художник. Здесь действительно какая-то особая аура - нигде я не чувствую себя так уютно и умиротворенно, так легко и свободно, как здесь. Будто знаю эту землю с пеленок: это твой дом и твои близкие, которые тебе рады".

Рассуждения моей новой знакомой неожиданно совпали с тем, что ощущала я, собираясь в Грецию, манившую меня с детства. Казалось, я возвращаюсь в дом, из которого когда-то уехала, но все в нем помню. Увлекали услышанные еще до школы мифы, герои и боги, жившие среди людей; пленяли тайной имена - Зевс, Геракл, Аполлон, Афродита и названия городов - Олимпия, Троя; музыкой звучало даже само сочетание "Древняя Эллада". Ее история и мифология так прочно вошли в нашу культуру, жизнь, быт, речь, что мы, не замечая, то и дело обращаемся к древним грекам. "Узы Гименея", "Петь дифирамбы", "Альфа и омега", "Авгиевы конюшни", "Ахиллесова пята", "Дамоклов меч", "Одним миром мазаны" - все это от них, эллинов. "В Греции все есть" - твердил чеховский персонаж из "Свадьбы", и эта фраза, мгновенно подхваченная, стала крылатой.

Ехать в страну, где "есть все" и от которой ждешь многого, рискованно: можно разочароваться. Об этом говорила мне приятельница, узнав, что мы с мужем собираемся в Грецию. Сама она съездила туда неудачно, оказавшись в большой разношерстной группе, и зареклась вновь поехать в эту страну. Хотя в Турцию или в Египет возвращается охотно. Валяется на пляже, а надоест - отправляется в автобусную экскурсию. Тоже неплохо, но повторять ее опыт не хотелось.

И мы, вооружившись картами, разработали свой маршрут. В "консультанты" взяли знакомую, работающую в турфирме. Наташа влюблена в Грецию и отлично знает ее: в московском университете Греция была темой ее курсовых работ и диплома. "Начинать, естественно, надо с Афин. В Дельфы, почитаемые греками как центр мира (там до сих

пор сохранился огромный камень - "пуп земли", поставленный по преданию на месте, где встретились два орла, которых Зевс послал и противоположных концов земли), поедете на автобусе, - втолковывала нам Наташа. - Это намного дешевле, чем брать экскурсию, и интереснее - можно остановиться в любом месте, а там масса чудесных уголков. По Пелопонесу лучше прокатиться на машине - ее можно взять напрокат. Если больше двух дней, то с хорошей скидкой".

Мы последовали совету - и не прогадали. Даже истоптанные туристами места открывались нам неожиданной стороной - в этом мы убеждались, встречая в гостинице соотечественников и сравнивая увиденное. Машина (это оказался новенький фиат-пунто), гостиницы и билеты на острова были забронированы заранее. Нам оставалось только запастись путеводителями, удобной обувью, ехать и смотреть.

По Афинам предпочитали ходить пешком - я давно убедилась, что любой город можно прочувствовать и узнать только ногами. Не связанные "групповой дисциплиной", мы бродили по городским улицам, спускались в "подземку", один из вестибюлей которой напоминает археологический музей: в Афинах, как и в Риме, очень трудно строить метро - копнешь и обязательно наткнешься на бесценную древность, на страже которой стоят бдительные археологи. Поднялись на легендарный Акрополь - и шагнули в давнюю историю, ту, что еще до нашей эры, в "золотой век" Эллады, такой далекий и такой нам знакомый. Сиял на солнце Парфенон, венчающий скалу, - храм богини Афины, покровительницы города, символ победы, возведенный после персидских войн. Строили его все горожане - ваятели, медники, ювелиры, ткачи, погонщики. И им воздали должное, изобразив на фронте среди богов. Никогда прежде ни один простой смертный не видел себя увековеченным в мраморе. Когда-то стояла здесь крылатая богиня Ника - но без крыльев. Говорят, афиняне обрезают ей крылья, чтобы она не покидала их город. А вон на той площадке некогда теснились беломраморные статуи, и среди них Три грации, изваянные Сократом еще до того, как он целиком посвятил себя философии. Так и кажется, что на глазах оживает учебник истории и страницы знаменитой книги Куна "Легенды и мифы Древней Греции", которую до дыр зачитывала в детстве.

А на почтительном удалении от Парфенона высится Эрехтейон - жилище и святилище богини Афины. Мифы утверждают, что Эрехтейон вырос на том месте, где Посейдон и Афина затеяли спор, кому править городом. Спор разрешился истинно по-божески. Посейдон обещал афинянам господство на море, ударив в подтверждение трезубцем по скале, - и хлынула лавиной морская вода: с тех пор Афины научились владычествовать на морях. А Афина вонзила в землю копье, и из него выросло оливковое дерево - плоды его кормили город во все времена...

Много легенд и былей хранят древние мраморы. Но греки непременно расскажут историю, которая жжет их сердца, - о похищении сокровищ Акрополя в 1801 - 1803 годах британским послом в Константинополе лордом Эльгином. "Чего не сделали готты, то сделали скотты", - написал один из самых горячих поклонников Греции, сражавшийся за ее свободу, великий английский поэт Байрон, обыгрывая шотландское происхождение лорда. Ни позднейшее раскаяние Эльгина, ни факт размещения сокровищ в Британском

музее не заставили греков смириться с потерей национального достояния.

А у подножья Акрополя раскинулся удивительный средневековый квартал - Плака, сохранившийся со времен турецкого владычества. Средневековые городки похожи друг на друга, но ни в одном не встречали мы ничего подобного. Как и многие его собраты, он будто сплетен из живописных улочек, соединенных каменными лестницами, игрушечных домиков, карабкающихся вдоль "проезжей части", где двум всадникам не разойтись. Но не музейной экзотикой, которой увлекают туристов, пленяет этот уголок - он живет сам по себе, не прихорашиваясь ради чужаков, не приноравливаясь к ним. Из окон глазеют на прохожих местные старожилы. С балконов, уставленных цветами, громко перекликаются женщины, обсуждая на весь квартал последние новости. Степенно беседуют за чашечкой кофе мужчины, освобожденные от домашних дел. И, похоже, от любых других тоже. Греются на солнышке молчаливые черные старухи, неодобрительно глядя на мальчишек, которые умудряются в этом каменном лабиринте азартно гонять мяч или с гиканьем мчаться на велосипеде. Только они и оживляют днем сонную Плаку. А приходиться сюда, как нам объяснили, надо вечером, когда Плака гуляет, ест, пьет, веселится. Распахивают двери и окна ее бесчисленные лавочки, сверкающие огнями и сувенирами, таверны, не вмещающие гостей и раскинувшие свои столики еще и на улице, под огромными шелковицами.

Мы попытались пристроиться в одной такой таверне, но мест не оказалось. Увидев наши огорченные физиономии, хозяин вдруг притащил откуда-то еще стулья, усадил нас, угостил домашним вином и заговорил - о чем? Да какая разница - главное, с непоказушной приветливостью. На следующий день мы заглянули сюда снова. Хозяин встретил нас по-приятельски да еще приготовил сюрприз - русского грека Федора, говорившего с сильным кавказским акцентом. Новый знакомец оказался жителем грузинского города Поти, четверть века назад вернувшимся на свою историческую родину. А вместе с ним перебрались сюда близкие и дальние родственники, друзья и знакомые - целая греческая колония, обитавшая на черноморском берегу. На новом месте они тоже поселились по-соседству - так было легче осваиваться.

- Здорово помогла нам тогда русская православная церковь - там собирались бывшие советские люди, - рассказал Федор. - Вы зайдите туда, это близко. Тоже здешняя достопримечательность.

Церковь св.Ликодима, или св.Троицы на улице Филэллинон была основана в XI веке, в конце XVIII ее разрушили турки, в XIX попечением русского архимандрита Антония восстановили в первоизданном виде. Почти тогда же возвели колокольню и специально для нее из России привезли колокол - самый большой в Афинах. Он и сегодня звучит по воскресным дням и большим церковным праздникам. Мы пришли в храм в будни. В крохотном помещении было безлюдно и мрачновато, хоть и мерцали свечи. Пока мы озирались, откуда-то появился батюшка, подошел, поздоровался и жестом пригласил войти. Я посетовала, что нечем прикрыть голову, как положено в храме, но батюшка, будто не слыша, повел нас за собой, в небольшое помещение, совсем не похожее на церковное. Стены были увешаны портретами мужчин в парадных костюмах, красавиц-женщин в нарядных туалетах, в стеклянных витринах поблескивали предметы

церковной утвари, старинное облачение, русские иконы.

- Это наш музей, - объяснил батюшка. - Можно сказать, история русской миссии в Греции.

В Афинах Русская миссия появилась в 1835 году. Размещалась в небольшом домике на Плаке. Там, рядом с храмом Зевса Олимпийского, стоял дом русского посланника Г.А.Катакази, задумавшего, как писал он в Петербург, "дать здешнему правительству первый пример восстановления церквей". Россия для этого выделила огромную по тем временам сумму - 100 тысяч рублей. Среди первых была восстановлена церковь Сотира ту Алику близ Акрополя - она считалась посольской до 1847 года, когда в распоряжение русского правительства была передана церковь св.Троицы, где мы сейчас и находились. Ее прихожанами были русская по происхождению "королева всех эллинов" Ольга. Дочь Великого князя Константина, внучка императора Николая I, племянница Александра II, она в 1867 году была обвенчана с королем Греции Георгом I. Греки любили свою королеву, считали ее образцом человеколюбия и самопожертвования. Что она и доказала, работая сестрой милосердия в госпиталях во время балканских войн и в годы Первой мировой. Ее память увековечена в названии одной из центральных столичных улиц - Проспект королевы Ольги. А на погосте возле церкви обрели покой тоже именитые наши соотечественники - последний посол императорской России в Греции князь Е.П.Демидов (1868 - 1943) и его супруга С.И.Демидова (1870 - 1953). Вплоть до установления дипломатических отношений между Грецией и СССР в 1924 году они считали себя представителями России и оказывали посильную помощь многочисленным русским эмигрантам.

Вот так в тугий узел связалась здесь история, уходящую в бездонную глубь веков, с сегодняшней жизнью, продолжающей эту историю. Уместно вспомнились бунинские строки: "пред твоею славой легендарной /Бессильно время". Обращены к Эсхилу, но можно отнести ко всей Греции.

Временами я достаю карту, испещренную нашими пометками, и вновь погружаюсь в фантастический мир древних мифов - наш путь по Греции.

Старый Коринф с грандиозным каналом, задуманным еще Нероном в 67-м году до н.э., но сооруженным лишь в XVII веке. В этом городе, названном Гомером "роскошный", появилась одна из первых в Греции христианских общин. Апостол Павел писал здесь "Послания к коринфянам" и проповедовал христианство. За что был судим и оправдан.

Арголида - где-то в этих краях, у немейского святилища, приносились жертвы Зевсу и каждые четыре года проводились Немейские игры. И тут Геракл совершил один из своих подвигов - задушил немейского льва.

Горный перевал - и спуск к "золотообильным", по словам Гомера, Микенам со знаменитыми Львиными воротами. Память услужливо подсказывает имя немецкого археолога Генриха Шлимана, отыскавшего-таки легендарное золото - мы видели его в Национальном музее в Афинах.

Очаровательный Навплион с мощной венецианской крепостью. "В 1830 -1834 годах он был первой столицей молодого независимого греческого государства"- сообщает путеводитель. Почти наше время - по сравнению с античностью, конечно...

Эпидавр - сохранившийся здесь античный театр и сегодня славится необыкновенной акустикой. Любимый аттракцион туристов - встать на небольшом круге в центре и прошептать пару фраз. Слышно даже в последнем ряду - а театр вмещает 15 тысяч зрителей. Я тоже не избежала соблазна - шепнула мужу пару ласковых слов. Услышал. Национальный театр Греции летом ставит в Эпидавре античные трагедии Эсхила, Софокла, Еврипида. Говорят - впечатляет. Кстати, само слово "театр" - греческое. У подножия холма была круглая площадка - "орхестра" с алтарем-жертвенником посередине: ведь возникновение театра связано с культом бога Диониса и празднествами в его честь - Дионисиями. Чуть выше - площадка "проскене", там актеры выступали, а позади нее - палатка "скене", где они переодевались и хранили реквизит. Знакомые слова - все, все из Греции.

По пути в Олимпию (не миновать же стадион, где проходили самые первые олимпийские игры, вернувшиеся сюда в XXI веке?) мы сделали маленькое открытие, по наитию свернув с автострады в сосновый лес. Терпкий воздух, настоящий на хвое, кружил голову. Тишина - до звона в ушах. Вокруг ни души. Но странное чувство - будто кто-то здесь незримо присутствует. Неземной, возвышенный. Из древних мифов...

Место, на которое мы наткнулись, оказалось святилищем бога врачевания Асклепия, или Эскулапа. В 80-е годы XIX века археологи нашли здесь фундаменты 160 помещений древней лечебницы и множество камней с благодарственными надписями исцеленных - больные съезжались сюда со всей Эллады. В специальном храме содержались священные змеи для лечения. Потом змея, обвивающая чашу, стала символом медицины.

Машина мчит дальше, наматывая на колеса новые сотни километров. В нашем распоряжении - вся Греция: горные перевалы, крохотные монастыри, невидимые с дороги, живописные поляны среди каменистых склонов, пляжи. От пляжей захватывает дух - они тянутся бесконечной широкой песчаной лентой. Изредка на дороге встречается крестьянин на муле с поклажей. Он приветливо машет рукой, будто только и ждал этой встречи. То и дело попадаются гостиницы, большие и маленькие, роскошные и скромные. Многочисленные вывески предлагают снять апартаменты, комнату или студию. Ради любопытства заглядываем по объявлению. Улыбчивый хозяин охотно ведет по дому, показывает чистенькие комнаты, иногда с крошечными кухоньками, уютные и недорогие. При желании можно договориться и о завтраке.

"Лучшая приправа к пище - голод", - произношу я всплывшую в памяти фразу Сократа, намекая, что пора подкрепиться. Но тратить время на еду жалко, так что серьезную трапезу оставляем до вечера, перехватывая на ходу сувлаки - маленькие свиные шашлычки на палочках, завернутые в лепешку вместе с овощами, спанакопиту - слоеный пирог со шпинатом и йирос - то же, что распространенная нынче у нас шаурма. А вечером отправляемся в таверну - это вкусно и дешево. Таверну выбираем подальше от людных мест и на вид попроще - этому научил личный опыт. В такие ходят сами греки, а

они знают толк в еде. Да и невкусных блюд, как мы убедились, в таверне просто не бывает. А когда в одной из них радушный хозяин предложил отведать его голубцы, я аж подпрыгнула - сколько же веков этому блюду? Вспомнила знакомый со студенческих лет персонаж из комедии Аристофана, который в 425 году до н.э. требовал: "Принесите капустные листья со свининой!" Эти самые голубцы. Когда хотелось рыбки, отправлялись в псаротаверну - "псаро" по-гречески рыба. Пресноводную греки презируют, а морских страшилищ вместе с кальмарами, осьминогами, лангустами живописно выкладывают в стеклянной витрине - только выбирай. Их поджарят на решетке, подадут с пылу с жару, сдобренные лимонным соком, с овощами и приправами. Рыба дороже мяса, но и вкус, как говорил великий Райкин, "спесьфичский"...

В таверне мы поначалу долго выбирали, читая в меню незнакомые названия: хориатико, кефтедес, дзадзики, мусакас. А потом поняли - лучше ткнуть пальцем в то, что приглянулось, или довериться хозяину: он принесет самое вкусное, что получилось сегодня. К тому же все эти салаты со свежайшим оливковым маслом, йогурты с покрошенными свежими огурцами, чесноком и прочими приправами, овощные запеканки, подливы, особо приготовленные котлетки, цыпленок или баранина, даже овечий сыр и очень популярные дикорастущие травы (хорта по-гречески) в каждой таверне разные, свои, неповторимые. Как и домашнее вино. Его подают в металлической посуде, предлагают попробовать, не понравится - принесут другое. Наученные, мы добавляли к заказу пару греческих слов: "я сас", например, (здравствуйте) или "паракало" (пожалуйста) - и тут же становились дорогими гостями.

В Греции, мы узнали, до 500 сортов вин. Если прибавить домашнее, получается бессчетно. А какие названия! На Пелопонесе есть вино "Кровь Геракла". Рецина, что с привкусом хвои, именуется "Слеза нимфы". На Санторине смаковали мы необыкновенное вино, впитавшее вкус и аромат винограда, возвращенного на вулканических почвах. В конце XVIII века санторинские вина поставлялись в Россию.

Эллины, верные принципу "все хорошо в меру", оставили потомкам и правила винопития. Современник Аристофана поэт Эвбул в комедии "Дионис, или Семела" устами бога виноделия и веселья советует: "Умному человеку довольно три чаши: одна - для здоровья, вторая - для любви и наслаждения, третья - для сна. Если же дело дойдет до четвертой, начнется ругань; до пятой - еще хуже: скандалы, шум; после шестой начнешь шататься и орать непристойные песни; после седьмой разобьешь морду; а восьмая наверняка доведет до суда. Девятая вызывает терзания и гнев. Десятая мутит рассудок, так что валишься наземь в мусор и грязь". А Пифагор, запомнившийся теоремой о том, что "пифагоровы штаны на все стороны равны", вывел еще и такую формулу: "Пьянство есть упражнение в безумстве". Греки, похоже, урок усвоили: пить умеют, до хулиганства и бесчувствия не доходят, пьют только для веселья и радости.

Но в Греции и без вина можно быть хмельным - такая это легкая, уютная, искренняя страна. Во всяком случае, такой ощущаешь ее на отдыхе.

128 морских миль от Пирея, или 12 часов по бирюзово-сине-черному морю, и мы на Санторине, уникальном острове на спящем вулкане. Считают, что его взрыв в 1500 году

до н.э., сотрясший Средиземное море и пославший цунами вплоть до Египта, породил миф об Атлантиде. Возможно. В реальности есть пляжи из вулканического песка - черные, красные, золотые, зеленые, высоченные красно-черные скалы, неправдоподобно чистый горизонт. Говорят, ничего подобного на других греческих островах нет. В суровые краски весело вписываются белые домики с синими ставнями - цвет Санторина. И море пурпурных, оранжевых, желтых оттенков.

От северного мыса Мавропетра до южного Эксомитис - 18 километров, ширина острова от 2 до 6 километров, протяженность береговой линии - 70. Я так точно называю эти цифры, потому что мы решили обследовать остров и, взяв напрокат байк, стали колесить по его дорогам. А они здесь отменные и подходят к каждому, самому крохотному сельцу, археологическим заповедникам и пляжам. По ним на огромной скорости, как по автобану, носятся автобусы, такси и мотоциклы. По такой дороге мы сначала забрались в горы, взметнувшись на полкилометра ввысь, потом спустились в Акротири - так называемые "Минойские Помпеи" - единственные в своем роде сооружения эпохи бронзы. Открыл это место совсем недавно - в 1967 году - профессор Спиридон Маритонас. И сам себе не поверил.

Оставив байк на небольшой площадке, по древним ступеням пробираемся вниз и попадаем в город, переживший две страшные стихии - землетрясение и извержение вулкана. Странно видеть почти полностью сохранившиеся стены и дома, фрески, сосуды, лежащие там, где их оставили, мебель и даже крохи еды. Ученые смогли не только реконструировать жизнь людей, обитавших здесь 3,5 тысячи лет назад, но даже восстановить картину извержения вулкана. Полагают, что оно произошло примерно через год после землетрясения: сохранившиеся среди развалин домов семена дали всходы, когда на землю начал падать вулканический пепел. А жители, собрав все ценное, в том числе украшения и орудия из бронзы, покинули дома задолго до извержения. То есть они готовились к нему и не ждали, когда на них обрушится беда. Потому-то здесь и не обнаружены скелеты людей и животных, как в Помпее, за исключением останков одной свиньи...

Дорога змеей ползет вдоль обрыва. Там, внизу, немыслимо синее море, впереди, нависая над бездной, буквально между небом и землей парит город. Это Фера, столица острова. Подняться к ней от залива на нашем транспорте никак нельзя. Можно воспользоваться подвесной дорогой. Или пойти пешком, одолев почти 600 ступеней. Мы выбираем более экзотический способ - осликов, выстроившихся у подножья улицы-лестницы, как такси на стоянке. Их седла живописно украшены килими - многоцветными тканями, а сбруя - цветными бусинами. Ослики идут неспешно, и мы успеваем разглядеть дома, скучившиеся над пропастью и словно поддерживающие друг друга. Каждый домик, как оказалось, с архитектурным секретом. Разгадать его удалось опять же в таверне, прилепившейся к скале. На первый взгляд это был одноэтажный дом. Но, чтобы попасть в него, сначала нужно спуститься в подвал с окном, закрытым ставнями. Распахнули окно - и ахнули: перед глазами в солнечных лучах ослепительно блестело море. Оказывается, дома в Фере имеют не высоту, а глубину. Их так и называют "скафта" - вырытые. Мы были на третьем этаже... под землей. А в древней Ие, стоя на краю пропасти, высоко над морем, мы смотрели закат солнца. Говорят, кто хоть

раз увидит его, станет счастливым.

Когда мы вернулись в Москву, приятельница, сулившая мне разочарование от поездки, спросила: "Ну и как она, Греция?" Что я могла ей ответить?